

...Любить — значит прощать

Слеза
Шамаханской царицы

Роман

В Е Р А
КОЛОЧКОВА

Вера Александровна Колочкова

Слеза Шамаханской царицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939975

Вера Колочкова. Слеза Шамаханской царицы: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57875-7

Аннотация

Самая страшная женщина – та, из-за любви которой соперничают родные люди. Увидев ее впервые, Лиза и представить не могла, что эта простенькая девушка может отнять у нее и мужа, и сына.

Но что скрывает сама новоявленная Шамаханская царица?

Вера Колочкова

Слеза Шамаханской царицы

*Терпеливо делает гусеница свое дело – и
превращается в бабочку с дивными крыльями.*

Иван Ильин

Особенный день – тридцать первое декабря. Не хлопотный вечер, не пьяная танцующая ночь, а именно – день. Как она любила его всегда! За утреннюю торжественность предвкушения, за полотенце на вымытой голове, за телефонные звонки, из череды которых вдруг выплывет забытый голос давнего знакомого, решившего напомнить о себе ни с того ни с сего...

Вообще все казалось необычным в этот день, более выпуклым, приобретало особую окраску. Даже цвета ингредиентов для салата, сыплющихся с разделочной доски, – мелкая крошка яичного желтка, зеленые кубики авокадо, розоватая маслянистость кусочков соленой семги... Вроде продукты и продукты, праздничная еда. Смешаются с заправкой, составят салатную композицию, которая будет красоваться на столе между бутылкой шампанского и заливной рыбой. И никому не будет интересен сам процесс – тот, дневной, кухонный, самый счастливый... Да еще и происходящий

под аккомпанемент привычной новогодней теленетленки – а как же без нее-то? – «...никого не будет в доме, кроме су-мерек, один длинный день в сквозном проеме...». Вот интересно, мог ли Борис Пастернак, когда писал эти строчки, хоть на минуту предположить, что они станут на долгие годы гимном многих женщин, готовящих угощение к новогоднему столу?

И даже если не увлекающихся этим приятным делом, а просто дефилирующих по квартире от платяного шкафа к зеркалу? Вот как она, например, Лиза Вершинина, именно так в этот момент лениво дефилирующая и себе под нос их напевающая. Ей сегодня как раз новогодний стол накрывать не надо – так уж получилось, что пьяная танцующая ночь предполагается в кафе, куда им с Владом надо прибыть к десяти часам. Хотя было бы приятнее дома отметить, конечно... Все-таки семейный праздник. Друзей бы позвали, маму... Но ничего не поделаешь, нужно уважить традицию – уже третий год весь их дружный рабочий коллектив отмечает Новый год разухабистой вечеринкой в арендованном для этой святой цели кафе. И это, надо признаться, в самом деле дорогого стоит! Ну где еще найдешь такой коллектив, чтоб у всякого было желание даже и Новый год встретить, как говорит Влад, «рожа к роже»?

Впрочем, она этот прекрасный день употребила не зря – собралась с силами и навела идеальную чистоту в квартире. Спокойно, никуда не торопясь, плавно переходя из комнаты

в комнату. И Сонечка ей не мешала – послушно проспала в детской положенные на дневной сон два часа. Потом, еще раз обойдя свои владения и насладившись собственным рукотворным уютом, уселась перед телевизором с чашкой чая – теленетленку досматривать, прищептывая вслед за артистом Мягковым: «С любимыми не расставайтесь, всей кровью прорастайте в них...» Ах, как хорошо сказано! Именно – всей кровью... «И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг!»

Что ж, вот и фильм кончился. И «моя Надя приехала», и телевизионная мама произнесла сакраментальную фразу: «Поживем – увидим». Пора бы уж и ее маме приехать, обещала же не опаздывать! В пробку попала, что ли? Хотя бы позвонила... И Максим не звонит, как они добрались с компанией до чьей-то там загородной дачи...

О, а вот и телефон откликнулся на ее беспокойство! Ага, Максимка-таки сподобился...

– Ну что, сынок, как вы там?

– Да все хорошо, мам, не волнуйся! Правда, в доме холод собачий, зуб на зуб не попадает, сейчас печку топить будем...

– А успеете к Новому году?

– Успеем! Машка тебе привет передает!

– Да, спасибо! И ты ей от меня привет передай! Вас много там собралось?

– Много.

– А кто такие, откуда?

– Ой, мам... Ну что ты опять контролера включаешь? Я тебе пацан, что ли? Все свои, институтские... Из моей группы, из Машкиной...

– Ну ладно, не сердись. И я тебя умоляю – не увлекайся спиртным! Ты же знаешь, твой организм совсем не приспособлен... И вообще...

– Да знаю, знаю! Не бойсь, мам! Я по другой генетической ветке карабкаюсь, мы это с тобой не раз уже обсуждали! Тоже, нашла время...

– Да, конечно. Прости, сынок...

– Ну все, мам, пока!

– Пока... Но я ночью еще позвоню, ладно? Нет, не в смысле проконтролировать, просто поздравить...

– Ага... Да я сам позвоню, не волнуйся!

Нажав на кнопку отбоя, она поморщилась от недовольства – и впрямь, чего ее понесло! Ну да, страдал Максимкин родной папаша болезненной страстью к зеленому змию, ухватил-таки, бедолага, свою долю дурной наследственности. Так крепко ухватил, что ей, восемнадцатилетней соплячке, выскочившей по большой любви замуж, мало не показалось. Бежала тогда от него с трехлетним ребенком в чем была... Ну да ладно, дело прошлое. Лишь бы из этого прошлого проклятые гены в Максимкиной природе не проклюнулись, вот в чем беда! От них ведь не застрахуешься, изгородь из упреждающих душевных разговоров не соорудишь... Но, с другой стороны, и впрямь – тьфу-тьфу! – пронесло парня. Как он

и сам рассуждает – по другой генетической ветке карабкается... Да и отчим – хороший для него пример в этом смысле...

Кстати, не перехвалить бы Влада с примером-то! Пора бы уж ему и появиться, любимому мужу, отцу и отчиму! Договаривались же – чтоб дома не позже трех... Нет, все-таки плохой прецедент возник после любимого новогоднего фильма – встречаться тридцать первого декабря в бане с друзьями! Песни там замечательные, а прецедент – плохой! В Питер любимый муж, отец и отчим, конечно, не улетит, но в непотребном состоянии заявиться может! Знаем, проходили...

А стрелка часов уже аккурат к трем подбирается, скоро уже и Сонечка проснется. А в доме ни Влада, ни мамы, и от Лены звонка она так и не дождалась... Впрочем, тут случай особый, тут надо самой действовать. Лена – девушка в этом смысле странно принципиальная, сама ни за что звонить не будет. То есть в ее понимании – навязываться. В свои восемнадцать взять и переехать от матери в новую семью отца – это значит не навязываться, а позвонить, как в Киев к матери долетела, это мы гордые, это мы не можем... Что ж, ладно. С Лизиной мачехиной головы корона не свалится, сама позвонит – чуть позже. Когда уж наверняка самолет приземлится...

Нет, правда, сейчас ей с Леной легче стало, худо-бедно прижилась девочка в новой семье. А тогда, два года назад, свалилась как снег на голову, вот уж Влад растерялся так растерялся! Он же ее последние годы и не видел толком, бывшая

жена не подпускала. Увезла ребенка после развода в Киев, даже адреса не оставила, только банковский счет прислала для перечисления алиментов. А тут – нате вам, здрасьте. Я ваша дочь, я буду у вас жить. То ли с матерью поссорилась, то ли новому отчиму не ко двору пришлась... Вникать же не станешь в чужие семейные страсти. Ну, приехала и приехала. Жить так жить. Принял же Влад Максимку, как родного сына, теперь, стало быть, ее очередь...

На первых порах ей с девчонкой совсем трудно было. Характерец тот еще оказался, колючий, неуживчивый. Это уж потом она поняла, что вовсе не в характере тут дело, а в болезненном подростковом одиночестве, перешедшем в стадию взрослой закомплексованной, почти аутичной настороженности. Обратишься к ней, бывало, за пустяком каким, а она вздрагивает и глядит исподлобья, будто подвоха ждет. Конечно, по большому счету, тепла и любви надо бы лить и лить на бедную Ленкину головушку полными ведрами, пока из сил не выбьешься... А где их особенно взять, сил-то этих? У нее вон еще Максимка, и Сонюшка маленькая... И потому как уж получалось с теплом, так и получалось. Сколько есть, на троих делить приходилось. А иначе как?

Поначалу, конечно, квартирный вопрос острым ребром встал. Квартира у них большая была, но, как ни крути, всего лишь трехкомнатная. Им и хватало. Гостиная, спальня, Максимкина комната... Как они радовались десять лет назад, когда съехались в эти хоромы из своих разнесчастных одну-

шек! И позднее беременности радовались, и никаких «бывших» даже и в разговорах не упоминалось... Нет, Влад переживал, конечно, что с дочерью никакого контакта нет, но ведь сами по себе переживания – вещь нематериальная, эфемерная... А тут вдруг бац – и вот они, переживания, в живом виде на пороге стоят! Племя младое, незнакомое! И куда это восемнадцатилетнее племя селить прикажете? В одну комнату с тоже восемнадцатилетним Максимом? Или в проходную гостиную, чтоб у падчерицы обиду на плохой прием взрастить? Можно, конечно, и в спальню, а самим в гостиную с Сонечкиной кроватью...

В общем, прикинули так и этак и затеяли срочную квартирную перестройку. И сами не ожидали, что с перепугу так все удачно получится – выкроили из трехкомнатной полнометражки аж пятикомнатную! Постарались, чтобы у каждого ребенка своя отдельная комнатка была, пусть и маленькая. Спальня да гостиная тоже, естественно, получились крохотульки, но получились же! А размер – дело вторичное.

Так и начали жить – впятером. Знакомиться с новым членом семьи. Привыкать. Подстраиваться. Вплетали Лену в семью, тянули за уши. Максимка, надо отдать ему должное, особое рвение проявил, с ним Лена быстро общий язык нашла. А с ней – так себе, осторожничала. Да она и не лезла к ней с нежностями, понимала, что девчонке совсем не просто. И Влада все время одергивала, чтобы он не перегибал палку, не заигрывался с отцовским виноватым подобострастием.

ем. Пусть время идет, напряжение сглаживает. Девчонка-то нервная, дерганая, потому из любой маленькой оплошности гору обиды в голове наворотит...

Наверное, не надо было ее на Новый год к матери отпускать. Судя по репликам Влада, мама у нее та еще штучка... Он аж в лице меняется, когда о бывшей жене речь заходит! Нет, ничего ужасного он о ней не рассказывал, конечно, но... Да и не стал бы он ничего рассказывать, он вообще в этом смысле мужик порядочный. Однако от хорошей матери дочь никогда не сбежит! Вот и сейчас наверняка разругается с ней в пух и прах и опять сама не своя придет... А с другой стороны – кто она такая, чтоб чужого ребенка к родной матери не отпускать? За ноги держать ее, что ли?

Но позвонить-то вредная девчонка могла бы, хотя бы из вежливости! Знает же, что она беспокоится! А может, ей, наоборот, очень нужно, чтобы Лиза беспокоилась, потому и не звонит... Ладно, если и впрямь так... Хочешь моего беспокойства – получи свою порцию беспокойства...

Отхлебнула чаю, решительно потянулась к лежащему на столике мобильному, кликнула Ленин номер.

– Да, тетя Лиз, я уже прилетела, в такси еду! – тут же зазвучал в трубке нервный Ленин голосок. – Представляете, здесь и снега почти нет, ноль градусов! И лужи кругом! У нас снега навалом, а у них – лужи!

Ага. Значит, все-таки «у нас». Вполне обнадеживающая оговорочка. Помнится, в первые полгода Ленка любила по-

вторять к случаю и не к случаю: «А вот у нас в Киеве...» А теперь, стало быть, «у них» лужи, а «у нас» снег.

– Лен... А тебя мама встретила? – попыталась спросить легким голосом, без всяких ненужных акцентов.

– Нет, тетя Лиз, не встретила... Но она позвонила, из парикмахерской... У нее там со временем что-то не получилось.

– Ну да, ну да...

– Нет, правда, тетя Лиз! Что я, маленькая, чтоб меня встречать? Я и сама прекрасно доберусь! А у мамы сегодня куча гостей намечается, всякие интересные люди будут! Она говорила, даже какой-то ведущий с телевидения! Здорово, правда? А завтра я с друзьями созвонюсь, по городу гулять пойдем... Как тут классно, в Киеве, тетя Лиз! Тепло, как весной!

– Да, Лен. Только я тебя очень прошу – ты без шапки все равно не ходи, ты после простуды! Такая погода бывает очень обманчивой!

– Да ладно... Ну все, тетя Лиз, пока. Я уже к дому подъезжаю...

– Пока, Лен. Я потом еще позвоню.

– Ага...

Вот так, значит. Дочь полгода не видела, а встретить не удосужилась. В парикмахерской сидит. И голос у Ленки какой-то грустноватый, немного взвинченный, хоть и звучит восторгами. Вот всегда так и бывает – сначала восторгами

звучит, а потом, когда домой возвращается, обидами на мать исходит. Нет, не надо было ее отпускать!

Хотя чего теперь сожалеть – дело сделано. Да и такое уж оно, это дело, – неуправляемое в принципе. Какая бы ни была мать – она мать, и этим все сказано. И неважно, что эта мать не проявляет восторга в связи с приездом дочери, Ленка в любом случае радостное оправдание для нее найдет. Конечно – у нее куча гостей в доме. Конечно – парикмахерская. И уж тем более – ведущий с телевидения... Как говорится, красиво жить не запретишь. Такая вот у Ленки мать-праздник. А она, выходит, мачеха-будни. Сделала предновогоднюю уборку в квартире, в сотый раз поглазела теленетленку, попела вместе с Аллой Пугачевой любимые песенки и сидит, радуется себе потихоньку...

Вздохнув, допила из чашки остывший чай, встала, еще раз прошлась по квартире. С удовольствием. Везде так хорошо, так чисто, елкой и мандаринами пахнет. Чудо как хорошо. Даже и не подумаешь, что в этой уютной прибранной квартире большая и шумная семья живет. И она здесь – хозяйка. Молодчина, Лиза, честная жена, хорошая мать, заботливая мачеха! Сумела-таки собрать приличную семью из осколков... Нет, отчего бы себя не похвалить, иногда можно! Вон даже психологи советуют – надо чаще себя хвалить, по голове гладить... Тем более в такой день, когда поневоле подводятся итоги прожитого кусочка жизни! В такой день и не думается, сколько в этот кусочек переживаний да нерво-

трепки вложено, хотя бы с этим ремонтом-перестройкой... А ничего, хорошо получилось! Уютненько, у каждого ребенка свой уголок...

И на кухне чистота и порядок. И в гостиной. Ах, как хорошо, даже уходить не хочется! Хотя, наверное, в этом и есть главная сласть – уходить оттуда, где хорошо. Праздновать на стороне Новый год и знать, как у тебя дома хорошо. Чтобы хотеть поскорее в теплый и чистый дом вернуться.

Встав посреди гостиной, она улыбнулась, потянулась слегка, раскинув руки, словно пытаясь заключить в объятия сонную уютную тишину своего дома. Вот оно, обыкновенное бабское счастье... Хоть и собранное из осколков...

И вздрогнула – дверной звонок заголосил виноватой нетерпеливостью. Слава богу, наконец-то, хоть кто-то появился! Мама? Влад?

– Здравствуй, доченька... Ой, что в городе творится, народ прямо с ума сошел! Такое столпотворение на дороге, конец света... А меня ведь еще вчера твой Владик предупреждал: вы, мол, пораньше из дома выходите, Анна Сергеевна...

Мама затопала ногами, стряхивая за дверью прилипшие к сапогам комья снега и продолжая возбужденно рассказывать:

– А я еще, как на грех, решила в супермаркет заскочить, фруктов для Сонечки взять. А там прямо сумасшедший дом, ей-богу... Народ все деликатесы с полок охалками сносит, будто это последняя еда в их жизни, завтра в стране голод

начнется! Очередь в кассу – с километр...

– Мам, ну зачем ты? Вон в холодильнике всяких фруктов полно!

– А зато я свежей семги для пирога купила! Смотри, какой прелестный кусочек! – сунулась она носом в полиэтиленовый пакет.

– Ой, да заходи, мам, что ты на пороге-то... Раздевайся, иди на кухню! Сонечка еще спит.

– Ага, ну да...

Мама осторожно ступила в прихожую, передала ей в руки пакет, неловко затопталась на одном месте:

– Ой, как у тебя чисто... Порядок наводила, что ль?

– Ага... Целый день с уборкой провозилась!

– Да ну... Лучше бы собой занялась, дуреха! Домашние дела никуда не уйдут, а красоту навести сегодня сам бог велел! Взяла бы да в парикмахерскую сгоняла, наворотила бы себе на голове чего-нибудь этакое... Все-таки в люди идете!

– Ой, в люди! Да там все свои будут, наши, с работы! Они и не заметят, если я вдруг чего себе на голове наворочу!

– Да разве в людях дело, ты же и сама должна... Для себя то есть... И вообще... Я давно хотела тебе сказать, Елизавета! Совсем ты себя запустила! Килограммы лишние набрала, за лицом не следишь, одеваешься кое-как... Ну разве можно? Тебе же всего сорок, а выглядишь на сорок пять! Я в твои годы...

– Да знаю, мам, знаю! Ты в свои сорок запрыгивала на хо-

ду в троллейбус, и работала на двух ставках, и еще при этом следить за собой успевала! Да ты у меня и сейчас красавица, мам!

– Ой, уж и красавица... – снимая перед зеркалом шапку и торопливым жестом оправляя прическу, немного кокетливо произнесла мама. – У меня уже старшему внуку двадцать лет, какая там красота...

– В каждом возрасте своя красота, мам. Ты чаю хочешь?

– Давай...

– Ага, сейчас...

Мама прошла на кухню, уселась на диванчик, вздохнула неловко, явно собираясь продолжить начатый разговор.

– Нет, и впрямь, Лизонька, ты бы хоть на диете какой посидела, что ли... Сорок лет – возраст для женской фигуры вообще критический... Располнеешь – в обратное состояние уже не вернешься. Говоришь тебе, говоришь, а ты все от подобных разговоров ув依ливаешь... А зря, между прочим. Кто тебе еще скажет, если не мать?

– Я не ув依ливаю, мам. Я с тобой совершенно согласна. А только когда мне за собой следить, при такой семье? Прибегаю с работы – успеть бы ужин поскорее приготовить... А пока готовлю, уже нахватаюсь того-сего. Нет, мам, с такой семьей не похудеешь, этим делом специально надо заниматься, лишний раз на кухню не заходить...

– Ну, давай я буду приезжать вечерами, вместо тебя ужин готовить! А ты не будешь на кухню заходить, чтобы видом

продуктов не соблазняться!

– Ой, да ну, мам... Зачем такие жертвы, не понимаю... В принципе, мне и с лишними килограммами неплохо живется.

– Да мне ж только в радость тебе помочь, Лизонька! Какая ж это жертва... Это ты, между прочим, себя в жертву семье приносишь, а я – что... Мне ты в любой ипостаси нравишься, ты ж моя дочь. А вот мужу, извини меня за прямоту, ты должна всегда молодой да свежей казаться! Иногда и в ущерб домашнему уюту! Где он, кстати?

– В баню ушел. С друзьями.

– Это что, в лучших новогодних традициях?

– Ага...

– Ну-ну... Хороший он у тебя мужик, такого и по баням отпускать не страшно. И все равно... Ты к моим советам прислушайся! Запускать себя не след!

– Ладно, мам, прислушаюсь. Зато посмотри, как у меня дома хорошо... Чисто, уютно, праздником пахнет... Вот я сейчас тебя ждала и думала – какая же я молодец! Мне судьба все время сюрпризы подкидывает, а я не уворачиваюсь, ловлю их послушно да леплю в единое целое... Может, у меня такой талант, а? Создавать целое из осколков? Помнишь, как мы с Владом первое время трудно друг к другу привыкали? Встретились – два раздрызганных одиночества... И ничего, все склеилось, и Максимку он полюбил, как родного... А потом я – его Ленку... И Сонечку родили... Ну скажи, я

ведь молодец, мам?

– Ой, да сплюнь! – сердито шлепнула ладонью по столешнице мама.

– Это почему? – весело хохотнула она, удивленно подняв брови.

– Сглазишь, вот почему! Знаешь, когда у человека жизнь вдруг ни с того ни сего начинает крен давать? Когда он вот так, как ты, стоит и каркает: я молодец, я молодец...

– Да ну тебя, мам! Ну какой крен, что ты? Да мы с Владом так навеки пасынками-падчерицами да родной доченькой скованы, что эту цепь и захочешь, не разорвешь! Лучше и не пытаться, потому как хлопоты дороже самой цепи получатся... Нет, мама, на нас с Владом уже никакие сглазы не подействуют!

– Прекрати, говорю! Ей дело говорят, а она все каркает и каркает! – уже не на шутку рассердилась Анна Сергеевна. – Никогда нельзя расслабляться, слышишь, и на минуту нельзя! Как только подумаешь, что все в твоей жизни наконец-то наладилось, так она тебе по башке и треснет от души! Знаю, что говорю! На себе проверено!

– Ладно, ладно, не буду больше... – весело засмеялась Лиза. Потом подняла палец, напряглась, прислушиваясь: – Ага, вот и Сонечка проснулась, кажется... Пора бы и Владу появиться...

Он появился – через полчаса. И сильно навеселе. Почти как тот, из новогоднего фильма. Стоял в прихожей – дубленка нараспашку, шапка в руке, оттопыренной в жесте величайшего добродушия – вот он я, весь ваш, принимайте таким, как есть...

– Вла-а-ад, – не очень строго, но все же с долей неудовольствия протянула Лиза, – ну ты же обещал...

– Цыть, женщина! – продолжая счастливо улыбаться, мотнул он головой и даже притопнул слегка, одновременно пытаясь стянуть с ноги ботинок. Не удержавшись, плюхнулся на мягкий пуфик в углу прихожей, поднял на нее веселые хмельные глаза: – Цыть, говорю! Я чист перед тобою и телом, и душой, и я трезв как стекло! Ну, может, самую малость нетрезв... Сейчас чайку крепкого, полчаса подремать, и как рукой... Здравсать, Анна Сергеевна...

– Здравствуй, Владенька, здравствуй... – ласково пропела Анна Сергеевна, выглянув из кухни. – Спасибо, родненький, что в город Санкт-Петербург не улетел...

– Ку-да? Не понял... А... зачем?

– Мама так шутит, Влад. Давай раздевайся быстрее и иди спать. Я через час тебя разбужу, – с ледком в голосе произнесла Лиза. – Видимо, с тобой бесполезно о чем-то договариваться...

– Ли-из, – капризно прохныкал Влад из своего угла, – ну не мог же я с ребятами газировкой старый год провожать... Что я, завязавший алкоголик, что ли? Я и так по чуть-чуть... Вон, Сашку Полевого вообще мешком в такси затолкали... А я сам, на своих двоих дошел...

– Ладно, и на том спасибо, что дошел. Ну же, вставай, чего ты там расселся! И марш в спальню!

– А чай? А покрепче? А с лимоном?

– А чай – потом!

– Да-а-а? – поднял он на нее хмельные дурашливые глаза.

– Да! Иди в спальню, раздевайся и ложись спать! Потом будет тебе и лимон, и какао с чаем!

– Ну, хорошо... Потом так потом... А где моя дочь Софья? Софьюшка, родненькая, ты где? Иди к папочке, солнышко, я тебя поцелую...

– Да тихо ты, мама ее на кухне кашей кормит... Не отвлекай ребенка от процесса, после поцелуешь, когда проспишься!

– Да-а-а?

– Иди, хватит придуриваться! – не удержалась она от невольного смешка, глядя в его веселые, искрящиеся хмельным добродушием глаза. – А то и впрямь рассержусь, ты меня знаешь... И хватит елозить мокрыми ботинками по линолеуму, я пол мыла!

Уложив хмельного мужа в постель, она вернулась на кухню, села за стол, стала с умилением наблюдать, как Сонечка,

важно нахмутив бровки, старательно тащит в рот зажатую в пухлом кулачке ложку с рисовой кашей.

– Умница, доченька... Вкусную кашу бабушка сварила?

Соня глянула на мать исподлобья синими хитрованскими отцовскими глазами и чуть не пронесла ложку мимо рта, на миг задумавшись.

– Неть! Не хочу больше кашу! Я банан хочу!

– Да ну тебя, Лизавета! – сердито обернулась от плиты Анна Сергеевна. – Чего ты ее с панталыку сбиваешь? Я только-только ее на кашу настроила... Ест и ест ребенок, сиди, не обращай никакого внимания!

– Я банан хочу! – снова потребовала Соня, отодвигая от себя тарелку.

– А давай мы пойдем на компромисс, доченька! Смешаем банан с кашей, и очень вкусно у нас получится! Мам, дай банан...

– Ну вот, началось... Так и приучишь ее с малолетства к компромиссам!

– А что в этом плохого? Компромисс – это очень хорошая вещь, мам. Иногда просто необходимая. Куда без него, без родимого? Вот вся моя жизнь, например, – сплошной компромисс... А иначе не видать мне личного счастья!

– Да уж, нагляделась я на твои компромиссы, ничего не скажу... Один вот только что перед глазами проплыл...

– Это ты про Влада, что ли? Ну, подумаешь, выпил с друзьями...

– Да я не про то, Лиза! Я ж не про Влада, я про тебя толкую! Если ты такая покладистая да умная, зачем тогда на выпившего мужа так сурово наезжала! Он же у тебя вообще непьющий, а ты встала над ним, как солдафон...

– Ну, это я так, для профилактики...

– Смотри, не переиграй с профилактикой-то! Твой Влад – золото, а не мужик.

– Я знаю, мам. Я как вспомню своего Гену...

– Да ну тебя, и не поминай всеу... Да уж, тот еще был Гена с генами... Говорила я тебе тогда – не торопись замуж! А ты – люблю, люблю... А у него отец алкоголик был, как потом выяснилось!

– Мам, ну чего ты... Было, и прошло, и действительно, ты права, даже и вспоминать не надо...

– Мама, хочу кашу с калмамисом! – напомнила о себе Сонечка, хватательным движением ручки показывая в сторону вазы с фруктами.

– С чем кашу? – удивленно уставилась на дочь Лиза.

– С калмамисом!

– Ну, вот... Сама научила, сама же и удивляется! – насмешливо проговорила Анна Сергеевна. – Это с компромиссом, с бананом, значит!

– А, ну да... Сейчас, доченька, сейчас сделаем...

– А где он теперь, Гена твой? Слышала о нем чего? – вздохнув, тихо спросила Анна Сергеевна.

– Нет, мам... Не знаю, не слышала... Так и сгинул мой быв-

ший где-то...

– Вспоминаешь о нем?

Лиза вздохнула, задумалась, глядя, как ложатся на разделочную доску белые кружки банановой мякоти. Подцепив несколько кружков, аккуратно переложила их в Сонину тарелку, перемешала с кашей, подвинула ближе:

– Ешь, доченька...

Маленький Максимка, помнится, тоже любил бананы. Но разве можно сравнить того трехлетнего Максимку с Сонечкой... Он другой совсем был. Осторожный, молчаливый, смотрел исподлобья. И требовать вот так, как Сонечка, не умел. Да и чего он видел хорошего в той маленькой своей жизни? Вечно хмельного отца, молодую перепуганную мать-студентку?

Конечно, она поначалу ох какой влюбленной была! Ей, восемнадцатилетней дурочке, так льстило, что на нее обратил внимание сам Геннадий Проскуров, красавец-пятикурсник, душа всех компаний, веселый прожигатель студенческой жизни, ярый последователь принципа «не имей сто рублей, а имей сто друзей...».

Да, друзей у Гены было много. Разумеется, она этим обстоятельством страшно гордилась и сама себя ощущала законной частицей этого веселого братства. И свадьба у них получилась очень веселая, хоть в материальном плане и незамысловатая – Гена договорился, снял для торжества их студенческую столовку. На столах – дешевое вино, котлеты

да винегреты, а веселья – хоть отбавляй! Целый спектакль разыграли с выходом из-за печки! Комендант общежития, где Гена жил, тоже свое душевное слово сказал, а потом с пафосом выложил им на тарелочке ключи от комнаты – живите, мол, пока на законных правах, как студенты, а там видно будет.

Первые полгода прошли как во сне. Будто она на свадьбе счастья вдохнула, а потом выдохнуть испугалась. Смотрела на мужа, как на веселого бога – всегда улыбчивого, всегда хмельного... И гордилась им страшно, и свято блюла принцип относительно ста рублей и ста друзей – дверь к ним в комнату для тех друзей всегда открыта была. Даже когда токсикозом внутренности выворачивало, старалась не капризничать, а жить по тому же принципу. И ночные посиделки не раздражали, хоть и глаза слипались, и беременный организм требовал положенного для сна времени.

Так и дожили до Гениного диплома, припевая под ночную гитару: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...» А потом кончилась беззаботная студенческая жизнь. Однажды появился к ним комендант, тот, что преподнес на свадьбе ключи от комнаты на тарелочке, и поставил вопрос ребром – или, мол, выметайтесь, или платите мне за нелегальное проживание. Немалые, между прочим, деньги...

Вот тут уже Генино презрение к «ста рублям» в их семейную жизнь, само собой, не вписалось. Вроде, когда Максимка родился, пришла пора веселому отцу и за ум взяться, да

не тут-то было. Не отпустила веселая хмельная душа парня во взрослую жизнь. Скучно ему было с молодой женой, с пеленками, с горшками... Да если б только скучно – это бы еще полбеды. Раздражать она его начала своими уговорами: пора бы, мол, дорогой муж, и на работу устроиться. Не понимал он таких разговоров, злился. Уходил, хлопнув дверью. К друзьям уходил. В студенческом общежитии легче легкого новых друзей найти, потому как старые друзья по окончании института в трезвую и серьезную жизнь подались, чего, в общем, и следовало ожидать. А Гена все как-то не мог из образа выйти, все песни пел да разгула душе искал. И находил – в пьяной компании. Там куда как веселее! Там разговоры «за жизнь», там хриплые философские песни, там есть где непонятой душе разгуляться! И девушки там тоже свои, которые с утра пожалеют больную головушку, сами поднесут чарку, чтобы ушло досадное похмелье...

Поначалу она сильно плакала. И ждала – неизвестно чего. Вот нагуляется, возьмется за ум, на хорошую работу устроится, будет с Максимкой в зоопарк ходить... Гнала от себя безысходные мысли. Хорошо, мама под боком была, как могла, поддерживала. А потом неизвестно каким ветром к ним Генину тетку в гости из Могилева занесло. Вот она, эта тетка, и открыла им с мамой правду – не ждите, мол, от Генки ничего хорошего, у него отец потомственный алкоголик был, а Генка – весь в отца! Мама, конечно, тут же за голову схватилась, а ей все не верилось как-то... Все ей казалось, что она

его сильно любит. А если любит, то и остальное должно как-то образоваться само собой. Не верилось, и все тут.

До тех пор не верилось, пока Гена однажды их с Максимкой ночью на мороз не выставил. Пришел – глаза от водки дикие, бормочет что-то гневное, несусветное. Максимка проснулся, заплакал. А Гена еще больше взъярился, что он заплакал! Вот тут ее и пришибло и разом придавило все отчаянные надежды – так стало Максимку жалко... Собралась в три минуты, подхватила сына на руки, – и к маме. Та не удивилась, увидев ночью ее на пороге. Лишь вздохнула с облегчением – ну, и слава богу, с глаз долой – из сердца вон...

Поначалу она, помнится, еще сомневалась, правильно ли поступила. Тем более Гена не раз приходил к ним с извинениями. Все визиты проходили примерно одинаково – сначала покаяние, потом переход к клятвам в вечной трезвости, и заканчивалось все страстными обвинениями в ее адрес – как ни крути, а бросила человека в беде, отдала на растерзание наследственным генам. А с другой стороны, она же не мать Тереза, она обыкновенная девчонка, ей о своем сыне больше переживать надо. Институт заканчивать нужно, на ноги становиться. В общем, проявила суровую непреклонность, не стала больше судьбу испытывать.

Потом узнавала со стороны – как он там живет, как со своей бедой в одиночку справляется. Оказалось – вовсе не в одиночку! Тут же завелась у Гены подружка, такая же генная бедоносица, и топают они вниз на дно вполне дружно

и пьяно-весело. Ну, значит, так тому и быть... Только любовь жалко. Была-таки к Гене любовь-то. К тому еще Гене, веселому пятикурснику. Так и осталась зарубкой-памятью в сердце. Сумасшедшая была любовь, такая, наверное, только в юном возрасте и может случиться. Один раз в жизни. Но – что поделаешь... Зато будет что вспоминать долгими вечерами в старости...

И правда – где ты сейчас, Гена? Куда тебя занесло злой судьбой, каким песочком рассыпало по дну жизни? Хорошо хоть, не напоминаешь о себе, и на том спасибо...

С Владом, конечно, никакого подобного сумасшествия не было. На Влада она уже смотрела внимательно, все тщательно оценивающим взглядом. Поумнела к тому времени – уже восемь лет в разводе жила. Да еще и с ребенком...

Они с Владом были сотрудниками, коллегами по работе. Она в бухгалтерии трудилась, он старшим менеджером числился. Обычные у них были отношения – ровные, дружеские. А потом между сотрудниками слушок прошел – вроде как Влада жена бросила, дочку забрала и укатила в Киев на постоянное место жительства к новому мужу. Вот тут у нее в голове и щелкнуло – не прозевай... Мужик-то стоящий, а главное, серьезный, непьющий! Конечно, пока он своим горем опрокинутый ходит, лучше его не трогать, но и момент упустить нельзя – и глазом моргнуть не успеешь, как вокруг образуется куча желающих пристроиться! Тут надо осторожно действовать, обидного сочувствия ни в коем слу-

чае не демонстрировать, наоборот, веселый женский интерес в ход пустить! А потом уж и сочувствие, и горячий домашний обед, и прочие крючки-наживки...

Она и сама не ожидала, что все так скоро у них склеится. Видимо, так уж судьбе угодно было. И десятилетний Максимка принял отчима благосклонно, а потом они и вовсе хорошо подружились – неразлейвода. Уже через полгода папой его стал называть...

В общем, образовалась худо-бедно у них семья, новая ячейка общества. Правда, не обошлось поначалу без неловкостей – слишком уж они оба старались эту ячейку для себя спасением обозначить. Заискивали, суетились в реверансах, пропуская друг друга вперед, как Манилов с Чичиковым. Или как два раненных жизнью бойца, стремящихся быть друг другу поводырями. Он еще от душевного унижения не отошел, она – от бабской одинокой неустроенности... Но ничего, с годами окрепли! Да и что здесь такого – нет ничего невозможного для нормальных трезвых людей с интеллектом, было бы обоюдное стремление. А любовь... А что – любовь? И любовь у них случилась! Не сумасшедшая, конечно, а спокойная, адекватная, вполне житейская. Даже вон Сонечку умудрились родить... И Ленино появление с достоинством выдержали, приняли в семью девчонку третьим ребенком. Получилось даже сверх запланированного – многодетная семья...

– Лизок... Ты не слышишь меня, что ли?

– А? Что, мам? Прости, задумалась...

– Подарки, говорю, мне вам сегодня дарить или завтра? Я Владу рубашку купила, а Максимке...

– Давай завтра, мам. Соберемся по-семейному, свекровишку мою пригласим...

– Ну, знаешь! Уж это без меня! Смотреть не могу, как ты перед ней приплясываешь!

– Ой, да ладно тебе... – беззлобно рассмеявшись, глянула она в сердитое материнское лицо. – С каких это пор в тебе ревность проснулась, мам? Ни перед кем я не приплясываю!

– Да... А помнишь, как она тебя в невестки не хотела? Как Влада уговаривала, чтобы не торопился? Будто ты второй сорт, да еще и с ребенком...

– Да когда это было, мам! Тоже, вспомнила!

– Но ведь было же!

– Ну и что? Я ж тебе уже объясняла когда-то – его мама просто напугана бывшей невесткой... И потому ко мне теперь сквозь лупу присматривается, осторожничает.

– Ага. Десять лет все осторожничает и осторожничает!

– Ну, тут не только в ее осторожности дело... Она женщина непростая, очень властная по природе, и Влад старается свою семью по мере сил от этой властности оградить. Одним словом – обжегшись на молоке, на воду теперь дует. А я с ним особо не спорю – ему виднее, как правильно. Он лучше свою маму знает.

– Ох, и в кого ты у меня такая мудрая, спасу нет... Вроде

я не такая... Я вот непременно обиделась бы...

– А я не обижаюсь, мам. Я ему верю. Ну, и приплясываю перед ней помаленьку, в этом ты права, пожалуй. Влад, как дирижер, палочкой махнет, я и приплясываю. Сейчас-то уже отношения у нас вроде наладились... Сейчас она меня уже почти любит и Влада сомнениями не донимает!

– Снискала, значит, свекровкино уважение? – обиженно-насмешливо поджала губы Анна Сергеевна.

– Ага. Снискала. Отчего бы и не снискать? Корона с головы не свалилась. Зато теперь все счастливы и довольны... Разве этого мало, мам?

* * *

Из такси выбралась неуклюже, боясь наступить на подол платья. Ох уж это платье – зачем только потратилась на эту неудобную красоту! Заявилась бы на вечеринку в нарядной блузочке, и все дела... Но на покупке платья Влад настоял, а отказать ему духу не хватило. Теперь ничего не остается, как смириться с этим «мадамским» выходом в свет – с откровенным вырезом на груди, оголенными руками, с корсетной маетой на оплывшем стане. Черт его подери – этот стан. Вроде худеть старалась, целый месяц после шести не ела... Все-таки конституцией она не в маму, а в бабушку пошла. Та тоже к сорока годам располнела.

– Осторожно, тут ступенька скользкая... – заботливо под-

хватил ее под руку Влад, распахивая тяжелую дверь. – Ну вот, вроде не опоздали, а ты боялась...

В маленьком холле уже толклись все свои – нарядные, возбужденные, праздничные. С диванов, где сидел молодняк, грянуло приветственное «о-о-о!» – это их с Владом увидели, стало быть. Пришлось спешно изобразить радостную улыбку на лице, направленную туда, в сердцевину приветствия. Лица-то плохо различались, от очков ей пришлось отказаться ради «мадамского» прикида – как-то не вязались очки ни с декольте, ни с голыми руками, ни с корсетом. Скинула с плеч шубу, бросила Владу на руки, повернулась нарочито изгибисто – вот она я какая сегодня, не ожидали? И снова понеслось от диванов дружное «о-о-о» – не без доли вложенной в него юной насмешливости, конечно же. Нет, совсем не обидной, чего с них возьмешь, с молодых да продвинутых! Им же всякая тетка после сорока уже древней старухой представляется!

– Елизавета Васильевна, первый танец за мной! – лихо прокукарекал Веник, двадцатилетний обалдуй из службы доставки. – И на мазурку я тоже претендую, Елизавета Васильевна!

– Ишь ты, на мазурку... – чуть повернулась она от зеркала, где неспешно поправляла выбившийся из прически локон. – Хорошие слова знаешь, молодец... Книжки читать любишь, да?

– Нет, Елизавета Васильевна, Веник у нас книг не чита-

ет... – вкрадчиво объяснил Слава, юный гений-компьютерщик. – Он полагает, что мазурку танцуют только некие подвыпившие мазурики вроде него...

Легкий смешок-шелест за спиной – шутка прошла вяло, неубедительно. Нет, вообще они хорошие мальчики, умные, в меру воспитанные. У них в фирме отродясь хамство не приветствовалось. Компьютер – машина тонкая, капризная, она вокруг себя энергии хамства терпеть не может. В спокойной обстановке работали, каждый свое дело хорошо знал. И репутация у фирмы хорошая со временем образовалась, клиент валом валил. Чем только не занимались, чтоб эту репутацию себе заработать! И не столько на продаже новых компьютеров ее заработали, сколько, как это ни странно звучит, на ремонте старых...

Вот казалось бы – сломался у тебя компьютер или устарел, допустим, так и выброси его на свалку, пойди да новый купи! Ан нет... Оказывается, не все клиенты нынче такие разухабистые. Иной бы и выбросил устаревшего друга, да на новый компьютер денег не хватает. Вот он и несет его к ним в фирму – отдает за четверть цены. Вот тут и выступают на сцену юные гении-рукодельники вроде Славика, принимают бывшего в употреблении друга в заботливые руки, новую жизнь ему дают... Не такую, как прежде, конечно, но вполне удобоваримую. И снова его, подлеца с чистой шеей, на продажу! Как говорится, берем старье, выдаем новье! Подходи, налейтай, в два раза дешевле, чем в магазине, за качество отвеча-

ем! Качество – пальчики оближешь, фирма веников не вяжет! Фирма очень уважительно относится к нуждам самых бедных слоев населения... Тем более что эти бедные слои в десятки раз толще, чем средние и хорошо обеспеченные! А принцип «в два раза дешевле» хорошую прибыль фирме приносит, и никому к тому же не обидно!

Вот ей, например, нисколько не обидно – у нее дома аж два таких компьютера было, из «подлецов с чистой шеей». Стоят собранные из кусочков агрегаты, трудятся во благо семьи, уже пять лет сбоев не дают. Правда, Ленка поначалу сморщила рожицу на доставшуюся ей «беспонтовую» модель, а потом ничего, даже похвалила. Нет, конечно же, можно было ей и новый купить... Но проклятая квартирная перестройка, ремонт столько денег из семейного бюджета унесли, что и без нового быть бы живу! Ничего, пусть привыкает девчонка к трудностям и простоте жизни. Пригодится. И без того денег на их платную вкупе с Максимкиной учебу уйма уходит...

Нет, заработки у них с Владом в родной фирме вполне приличные, нечего бога гневить. И народ подобрался замечательный, хоть и разновозрастный-разномастный, но тоже вроде как все свои, чужие здесь не приживаются. Основной костяк – мужской, конечно. Их всего четыре бабы в коллективе. Она – главный бухгалтер Елизавета Васильевна Вершинина, ее помощница Света, секретарша Олеся да офис-менеджер Ангелина Ивановна, сухопарая молодящаяся пен-

сионерка. И держатся все за свои места, потому как зарплатой не обижены. Хватает, хватает в фирме денег, ей ли, как главному бухгалтеру, этого не знать... Вон, и на кафе новогоднее шеф опять расщедрился, а ведь в копеечку встало – шутка ли, сорок человек всю ночь поить-кормить, да плюс аренда... И ладно бы еще своих поить-кормить – надо ж было в смету и присутствие подружек гениального молодняка заложить! Вот и получилось не тридцать человек, как по штату числится, а уже сорок... А куда ж без подружек-то? Шеф человек умный и принцип «каждой твари по паре» очень уважает. Уж гулять, так со всеми принципами, а как иначе!

Правда, с подружками какая-то ерунда получается. Третий раз они в этом кафе Новый год встречают, и подружки собираются каждый год разные. Все племя младое, незнакомое...

– Ну, все собрались? Можно начинать?

Ага, вот и шеф появился, Павел Степаныч. Выражение лица добродушное, игривое. Интересно, сколько у него этих выражений лица припасено в заглазнике? Сегодня, конечно, случай особенный, сегодня он, стало быть, душа-человек, демократ и рубаха-парень. А вчера, например, было – не подступись. Такой холодной сосредоточенностью, помнится, с утра облил, что поневоле чувствовала себя перед ним козавкой без имени-отчества. Но руководитель он все равно хороший, тут уж ни прибавишь, ни убавишь.

– За стол, за стол, други мои, пора старый год проводить,

избавиться от него, к чертовой матери! – провозгласил душа-человек, демократ и рубаха-парень, вскинув руку в лихом ленинском жесте. – Рассаживаемся быстренько, кто куда упадет, не стесняемся, не жеманимся!

– Лизонька, можно, я с тобой?

Быстрый шепоток в ухо, терпкий аромат французских духов «Пуазон» – здассьте, Ангелина Ивановна. Только вас и ваших духов мне в соседстве и не хватало. Но не отпихнешь же от себя это приставучее лихо! Сухая пронырливая ручка уже скользнула под локоть, потащила на тот край стола, где молодняк рассаживается... Как же, конечно! Именно туда ей и охота – разглядеть поближе новых подружек молодняка, обсудить, посплетничать!

– Влад! Владик! Иди сюда, мы здесь! – призывно помахала Ангелина и Владу, взглядом оберегая свободный с ее стороны стул. – Иди сюда, рядом с Лизой сядешь!

Спасибо, хоть это разрешила, заботливая моя. А впрочем, чего она на нее злится... Сама ее присутствие в фирме породила, самой и терпеть надо. Сколько нервов, помнится, на уговоры Пал Степаныча положила, чтоб он Ангелину не увольнял! Ну, растеряха-забываха, ну, пронырливая где не надо, ну, сплетница, это понятно... А с другой стороны – она ж одинокая совсем! Запрется в свои шестьдесят одна дома, с тоски помрет... Это с ее-то любознательным характером – дома сидеть!

– Лизонька, ты просто прелесть как хорошо сегодня вы-

глядишь! А платище небось брендовое, да? Дорого заплатила?

– Дорого, Ангелина Ивановна.

– А сколько, если не секрет?

– Секрет. Вопрос некорректен, с повестки дня снимается.

– Да? Ладно... Молчу, молчу, Лизонька... Но долларов триста, не меньше?

– Тихо, Ангелина Ивановна, тихо... Сейчас Павел Степанович речь будет толкать...

– Ой, да ладно! Все равно ничего новенького не скажет!

– А чего вы хотите новенького?

– Ну... Про повышение окладов, например... В качестве подарка к Новому году...

– Так всем и так в октябре зарплату повысили!

– А денег мало не бывает, Лизонька! Вдруг ему эта процедура понравилась?

– Хм...

– Тсс... Тихо... Начал уже...

Права оказалась шустрая ее собеседница – ничего нового шеф не сказал, обошелся дежурными фразами: хорошо, мол, потрудились в уходящем году, всех благодарю, всем признателен... Вздохнул и радостно опрокинул в себя рюмку с коньяком, потом поднял ее вверх, пустую, потряс слегка – следуйте, мол, моему примеру! Впрочем, с призывом к примеру он опоздал – кто и когда на новогоднем корпоративе паузу между призывом и действием соблюдает? Особенно муж-

ская составляющая корпоратива?

– Может, побережешь уставший с утра организм, пропустишь первые тосты? – с милой улыбкой потянулась она к уху Влада. – До двенадцати еще далеко, и вся ночь впереди...

– Лиза, Лиза, не дави на мужика, я все слышу! – наклонился через стол сидящий напротив Тигран, красавец-парень, ближайший приятель Влада и друг семьи. – Не будь занудой, солнышко, Лизавета!

– Это я зануда? Это ты про меня? – вздернула брови в нарочитой кокетливости. – Ну, погоди, нарвешься, Тиграша...

Поднятая чьей-то рукой салатница закрыла от нее лицо Тиграна, и тут же вонзился в бок острый локоток Ангелины Ивановны:

– Ой, гляди, Лиз, а жена-то у Пал Степановича нынче как плохо выглядит... Гораздо хуже, чем в прошлый Новый год... Совсем захиревшая какая-то. Худеет, что ли?

– Да? А по-моему, наоборот...

– А Тиграшка-то, Тиграшка какую лахудру привел! Мог бы и получше себе присмотреть! Такой красавец, жалко даже! Нет, ты посмотри на нее, посмотри!

Да... Похоже, сегодня всем от Ангелины достанется. Какое ей дело, в конце концов, кто и кого на новогодний праздник привел? А особенно Тигран? Он вообще по статусу застарелый холостяк и бабник, ему все можно! Сколько уж они с Владом его всяких-разных подружек перевидали... Влад в этом смысле у него вообще доверенным лицом был, то есть

благодарным слушателем его холостяцких рассказов. Она даже подсмеивалась над Владом слегка – мол, ты на этих рассказах по-своему «сублимируешь»... А он всегда ей отвечал лихо так, весело: да, сублимирую, а ты не ревнуй! И покатывались оба со смеху...

Вот и сейчас она, вспомнив, усмехнулась. И мельком взглянула в лицо этой самой «лахудре» – новой подружке Тиграна. Хотя все равно толком без очков лица не разглядеть... Да и чего зря напрягаться – наверняка очередная знойная блондинка...

Она потом долго вспоминала этот момент – засел в подсознании точкой отсчета. Разделил ее благополучную, хоть и собранную из осколков семейную жизнь на «до» и «после»...

– Кстати, познакомься, Лизавета! Это Эльза, моя подружка! – скользнул в ухо мягкий, с легким кавказским акцентом голос Тиграна. – Ее на самом деле Эльзой зовут, без дураков! Красивое имя, правда? Ты бы хотела, Лизавета, чтобы тебя называли Эльзой? А что, имя-то, по сути, одно и то же – Эльза – Елизавета!

– Что? – сощурилась близоруко, пытаюсь-таки разглядеть лицо Эльзы. И улыбнулась запоздало: – Нет, что ты, Тигран... Совсем не одно и то же... Добрый вечер, Эльза, мне очень приятно...

Сидящая рядом с Тиграном девушка улыбнулась чуть, одними губами. Не моргнула даже. Лиза почему-то очень отчетливо это увидела, что не моргнула. Будто зрение на се-

кунду прорезалось. И еще много чего в эту секунду увидела. Или, может, почувствовала, словно колкий холодок страха по спине пробежал...

Она была странной, эта Эльза. С виду, конечно, ничего особенного – худое востроносенькое лицо, волосы чуть рыжеватые, торчащие модным смешным беспорядком – тут хохолок, там прядочка. Нет, ничего особенного – вот только глаза... Большие, грустные, взгляд внимательно-настороженный и в то же время немного наивный. Глаза испуганного, но знающего себе цену эльфа. И платье на ней не нарядное, а будто сиротское, с чужого плеча. Не платье, а серый трикотажный мешок с огромной прорезью для головы. Такой огромной, что тонкая ткань с плеча свалилась, обнажив хрупкое белое плечико. Наверное, вся фишка в этом и заключается, чтобы оно с плеча сваливалось? Посмотрите, мол, какая я вся – хрупкая нимфетка, тонкая белая лилия. Обратите внимание. Зайдитесь трогательным сердцебиением. А ведь и впрямь – взгляд оторвать невозможно, так и хочется это белое плечико рукой прикрыть. Опасное плечико...

Тигран, будто почуяв что-то недоброе для себя во взгляде Лизы, поерзал на стуле, потом осторожно возложил руку на это опасное плечико, улыбнулся ободряюще, поведя подбородком в ее сторону:

– А это наша Лиза, познакомься, Эльза! Она хорошая, она меня борщами и пирогами кормит! И тебя накормит, малыш! Правда, Лиза?

Она послушно кивнула, изо всех сил стараясь сотворить на лице выражение мудрой доброй тетушки, которая только и делает, что всех подряд стремится накормить борщами да пирогами. Наверное, неестественно получилось, пафосно слишком. А впрочем, обращение «малыш» по отношению к Эльзе тоже звучит несколько неестественно. Она не малыш, она именно – Эльза. Ей это очень подходит. Ускользающее имя, ускользающая наружность. Опасно ускользающая...

Еще раз мило улыбнулась, отвела взгляд. А колокольчик тревоги в душе остался, позванивал нотками плохого предчувствия – «Эльза, Эльза, Эльза...». Нет, с чего бы ему названивать? Никакого же повода нет... Подумаешь, очередная Тигранова пассия. Правда, странновата немного для привычного эталона, не блондинка с голубыми глазами, но, с другой стороны, может, надоели ему блондинки? И вообще – при чем тут ее личные предчувствия и очередная подруга Тиграна по имени Эльза? Пришла, и пусть сидит...

– Ну? Что я тебе говорила? – присунулись к уху жаркие губы Ангелины Ивановны. – Правда, лахудра?

Господи, да что эта старая сплетница привязалась со своими оценками! Чужой молодости завидует, что ли? Рыжим вихоркам-прядочкам, белому хрупкому плечу в дыре платья? Так вдруг захотелось рассердиться, осадить ее грубым словом...

Не успела. Тост отвлёк – за наших милых дам, здесь присутствующих. И за тех, которых давно знаем, и за тех, с кем

сегодня приятно знакомимся. Вполне дежурный тост. Потянула к губам бокал с шампанским, но вдруг увидела, как старательно, через весь стол тянется бокал Влада к бокалу Эльзы. Мелькнуло, резануло по глазам худое жесткое запястье в безупречно белой полоске манжеты рубашки, выглядывающей из рукава. И дрогнула рука, и пролилось шампанское в тарелку. И душа тоже дрогнула в безотчетном порыве – захотелось протянуть свою руку наперерез, перехватить... Боже мой, что это? Все кругом радостно тянутся друг к другу с бокалами, ничего сверхъестественного не происходит! Что еще за порывы-движения собственного испуганного организма? Нет, надо себя в руки взять... И выпить по-хорошему шампанского! Полный бокал, до дна! И еще... Ну, и еще... Утопить в хмельном шуме крови звон глупого колокольца...

И впрямь – легче стало. И весело! Новый год, в конце концов, волшебный праздник! И лисья рожица Ангелины вкупе с ее комментариями уже не раздражает. Вполне приемлемая рожица, вполне беззлобные комментарии – вон еще чью-то девицу «лахудрой» обозвала... Может, у нее вообще это слово в обиходе самое для молодых девиц ласковое?

В сторону Эльзы она старалась не смотреть вовсе – больше смотреть, что ли, не на кого? Вон, кругом все свои, родные лица... И время неумолимо к двенадцати приближается... О, у них же по программе еще и фейерверк предусмотрен! Под окнами кафе капсулы заложены, охранник должен ровно в двенадцать зажечь... Не пугайтесь, господа, сюрпри-и-из!

Ура, ура, ура... Звон бокалов, хмельные возбужденные лица, отсветы фейерверка в глазах. И – музыка! Разухабистая, танцевальная, под шум отодвигаемых стульев, на фоне светящейся огнями большой искусственной елки. Танцуют все, господа! Хоровод! В лесу родилась елочка! Дружно позовем Деда Мороза со Снегурочкой! Погодите, тамада, потом конкурсы, сначала – хоровод...

Ладонь попала в чью-то горячую руку, замельтешило, поволокло куда-то в общем веселье. А музыка нарастает, бьется неугомонным пульсом, заставляя тело поневоле следовать ее ритму, и выскакивают из короткого света бенгальских огней знакомые лица, такие неестественные – то зеленые, то фиолетовые, то подернутые рябью мелких крупинок иллюминации. Вот наконец и медленная мелодия... Где же Влад? Хоть бы на танец жену позвал...

Кто-то подхватил под локоток ласково, потянул в темноту, к танцующим парам. Повернула голову – Пал Степаныч...

– Пойдем, Лизонька, спляшем, что ли! Когда еще случай представится родную бухгалтерию в руках поддержать? Ну, ничего вроде получилось, да? Хорошо, что мы с тобой не забыли фейерверк в смету включить...

– Да. Все замечательно, Павел Степанович...

– Что?

– Все замечательно, говорю!

– Да, да... Я давно хотел тебе сказать, Лизавета... Ты замечательный бухгалтер, я тобой очень доволен! Это сейчас та-

кая редкость – хорошего главного бухгалтера найти, да чтоб на долгие годы с ним сработаться...

– Спасибо, Павел Степанович. Я тоже рада, что работаю с вами.

– И Владик твой тоже ничего, толковый... Как у тебя с ним, все нормально срослось? Ну, раз ребеночка себе завели, я думаю, что нормально, можешь не отвечать... Молодец, Лизавета, классная ты баба!

Так. А вот это уже из области недозволенного – про «классную бабу». Лучше на этот сомнительный комплимент не реагировать. Даже странно, откуда это хамоватое панибратство из шефа вылезло, из каких замороченных глубин подсознания... Такой всегда сдержанный, такой строгий, такой занудный сухарь. Лишку выпил, наверное... Нет, но где же Влад? Среди танцующих его не видно... Пойти поискать, что ли, когда медленный танец закончится?

А впрочем, не будет она его искать. Смешно, в самом деле! Тоже нашлась, ревнивая клуша! Сроду ни себя, ни его контролем не унижала, а теперь, на людях, вдруг искать кинется! Сам найдется, не маленький. Да долго бы и искать не пришлось – вон они, в холле на диванах сидят, курят. Влад, Тигран и его девушка со странным именем Эльза. Спорят о чем-то, смеются. А ей там делать нечего – она ж не курит. Лишняя, значит...

А она будет веселиться, вот! Пить шампанское, хохотать, танцевать до упаду! Новый год все-таки! И платье у нее но-

вое, дорогое... Зря, что ли, покупала?

– А пойдем с тобой чего-нибудь выпьем, Лизавета! – потянул за руку к столу Павел Степанович, когда медленная музыка сменилась грохочущим танцевальным ритмом. – На брудершафт!

– А давайте! Чего мы, не люди, что ли? Напьемся, обнимемся и будем неприличные песни орать! Вы знаете неприличные песни, Павел Степанович?

– Да сколько угодно... А ты молодец, боевая! Тебе чего, коньяку?

– Давайте коньяку!

Дружно сдвинули рюмки, лихо опрокинули в себя, поглядели друг на друга задумчиво, рассмеялись.

– Ну что, еще по одной?

– Давайте...

А вот еще по одной как раз и не успели. Полился над головами бархатистый женский голосок, легли на плечи Павла Степаныча две белых руки, нежные крылышки:

– Паша... Па-ша... Тебе много нельзя, у тебя давление... Мы с тобой договаривались, Паша... Извините, Лиза, ему нельзя...

Павел Степанович расплылся в благодушной улыбке, снял с плеча белую ладонь-крылышко, приложил к своей щеке.

– Нет, ну что у меня за жена, Елизавета? Опять весь кайф поломала! Следит, понимаешь ли, за моим здоровьем, притворяется заботливой женошкой! А я, как дурак, ведусь... Ну

разве с ней отметишь праздник как следует? Хотя ты ей скажи, Елизавета!

– А Лиза меня очень даже хорошо понимает... – улыбнулась ей ласково жена шефа, симпатичная блондинка Юля. – Правда, Лиза? Как говорится, больной шеф – плохой шеф...

– Да, Павел Степанович. Жену надо слушать, жена плохого не посоветует! – мило переглянулась она с Юлей. – Заботливая жена плохой не бывает...

– А пойдемте лучше танцевать! – весело предложила Юля. – Паша, Лиза, пойдемте! Сейчас всякие конкурсы начнутся!

– Пойдем, солнышко, пойдем... – нехотя поднялся со стула Павел Степанович.

Встала, поплелась за ними в сердцевину грохочущей музыки. Глянула в холл – а эти трое так и сидят на диванах... Ну и пусть! А у нее сейчас выпитый коньяк доберется до уровня бесшабашности, сметет по пути невесть откуда взявшуюся тревогу, и будет все равно, все равно... То есть весело будет ужасно...

Наверное, ей и впрямь было весело. И все равно. И тело исправно исполняло свое танцевальное задание, и горло надрывалось от смеха, когда тамада изгалялся над народом с нелепыми конкурсами, и даже сама лихо норовила принять в них участие... Только зрение сделалось будто фасеточным, вытягивало из общей сути веселья то одну странную картинку, то другую...

Вот раскачиваются, обнялись в медленном танце Тигран с Эльзой. Взгляд у Тиграна грустный, направлен куда-то вверх. Даже не грустный, а немного злой. И острое белое плечико Эльзы торчит из выреза дурацкого платья словно виновато, словно извиняется в чем.

А вот уже другая картинка – Влад с Эльзой. Танцуют. Боже, какое у него лицо... сосредоточенное. Стараются, зубы сжал. Кажется, и не дышит вовсе. А главное, трезвый как стекло. Или остекленел от старания... И смотрит – будто в никуда... Да он ли это, ее веселый серьезный муж, страстный любитель выплеснуть излишек серьезности на таких вот корпоративных вечеринках? Всегда наплясывался, придуривался, в конкурсах участвовал до упаду... Нет, лучше не смотреть, лучше зажмуриться, оттолкнуть от себя выпуклую картинку... Пусть она исчезнет...

Открыла глаза – и впрямь исчезла. Но появилась другая – того тошнее. Стоят поодаль Тигран с Владом, ощетинились, смотрят друг другу в глаза, спорят о чем-то. Тигран рубанул воздух ладонью, потом с силой покрутил пальцем у виска. А Влад... Влад молчит. Плохо молчит, уперто, гневно. Поискала глазами Эльзу – нет Эльзы... Что происходит, в самом деле?

Все, хватит. Хватит с нее... демократии. Надо подойти, выяснить, в чем там дело. Сделала шаг и... передумала. Страх вдруг охватил, противный, тошнотный, и голова закружилась, и впрямь двинулось что-то к горлу...

– Лиза, ты чего? Тебе плохо? Позеленела вся... – сунулась под руку с заботливостью верная Ангелина. – Проводить тебя в туалет?

– Нет... Нет, не надо, я сама...

Кое-как добрела до туалета, плеснула в лицо холодной воды из-под крана. Вдохнула. Еще раз. Еще... Ну, вот уже и полегче. А только тревога все равно никуда не делась, наоборот, распирает изнутри, душит. Кажется, даже платье слишком тесным стало. Тесным и некрасиво обтягивающим...

Заставила себя распрямиться, шагнула к большому туалетному зеркалу, оглядела себя всю, целиком, с головы до ног. Вот тебе и еще одна картинка. Там, в зеркале, ты – старая корова... Полная грудь в декольте, голые белые руки, мощные плечи. С такими плечами можно поле пахать, впрягшись в лямку плуга... Или мешок с картошкой тащить. И локон из прически вон распрямился, висит надо лбом жалкой прядкой. Сдула ее, усмехнулась, вздернула вверх подбородок...

Нет, взбредет же такое в голову – саму себя уничивать да подробно рассматривать! Это ж и так понятно, что не будет у тебя уже никогда ни хрупкого плечика, ни трогательных вихорков... Да и не надо, подумаешь! Нашла о чем горевать! Посмотрите на нее, разнылась – «и я была девушкой юной, сама не припомню, когда»! Глупо, глупо...

А платье – красивое. И несколько не тесное. И обтягивает вполне прилично. В каждой форме свое достоинство при-

сутствует, между прочим. И в хрупкой, и в объемной. Даже странно, что приходится саму себя в таких простых вещах убеждать!

Гордо потом шла через холл, выстукивая каблуками по скользким плитам. В зале поискала глазами Влада – не нашла. Тигран сидел за столом в одиночестве, хмурый. Подсела к нему, тронула за руку:

– Эй... Что случилось? Мне показалось, вы с Владом о чем-то поспорили? А Эльза где?

– Она... ушла.

– Что, совсем?

– Ну да...

– А... Влад? – ёкнуло в груди сердце.

– Да вон он, в холле курит, у окна, за колонной... Все нормально, Лиз, не переживай.

– Да я и не переживаю! С чего бы?

– Правильно! Совершенно не с чего! И это... С Новым годом тебя!

– И тебя тоже, Тигранчик... Ну, я пойду?

– Ага, иди. Там он, за колонной...

Ну, вот и все, и слава богу! И не было никакой Эльзы! Ушла и ушла вместе со своим хрупким плечиком, и правильно сделала! Умная девочка! И хорошо, что она, Лиза, не стала к Владу с глупыми ревнивыми претензиями навязываться! Подумаешь, плечико... Да фиг с ним! И да здравствует мудрая семейная демократия!

Подошла к Владу со спины – он даже не обернулся. Встала рядом, обвила руками локоть, припала головой к плечу. Привычные движения, привычный жест. И вдруг плеснуло в грудь, в лицо – отчуждением...

Нет, внешне он отреагировал вполне обычно. Прижался щекой к макушке, провел рукой по предплечью, спросил вполне заботливо:

– Устала?

Но все равно – было, было. Шестое чувство пропустило через себя отчуждение, фальшивую нотку заботливости в голосе. Будь оно неладно, это шестое чувство! Может, его вообще нет, может, оно женскими страхами из небытия выужено? Да и вообще, говорят же умные люди – нельзя слишком уж доверять чувствам... Блажь все это, из жизни избалованных. Надо уметь нормальной женщиной жить, а не испуганным камертоном! В конце концов, их с Владом жизнь совсем не похожа на аристократическую, чтоб требовалось в ней такое чувственно безупречное звучание. Жизнь как жизнь. Трое детей, семья, хоть и собранная из осколков. Быт, кухня, овсянка по утрам... Какие уж тут камертоны, к чертовой матери?

– Может, домой поедem, Лизок?

– А ты хочешь домой?

– Да, что-то я вдруг устал... И спать хочу смертельно.

– Тогда давай по-английски смоемся, ни с кем не прощаюсь.

– Давай...

* * *

На улице резвился морозец – легкий, приятно-жгучий. Встали на крыльце, вдохнули в унисон полной грудью, выдохнули одинаковые клубы пара. Влад огляделся по сторонам озабоченно, потом выудил из кармана мобильник:

– Погоди, сейчас такси вызову...

– Ой, да какое такси! Пока будем такси ждать, в два ледяных столба превратимся! Давай лучше пешком пройдемся, по морозцу! До дома не так уж и далеко!

– Ну что ж, давай...

– Ага! До Воздвиженского проспекта дойдем, а там дворами...

– Не боишься – дворами?

– Нет... Я с тобой ничего не боюсь. Да и кому мы нужны? Грабители тоже небось всю Новый год празднуют! Дай-ка я тебе шарф поправлю... А перчатки где?

– Да здесь, здесь... Ну, пошли, что ли...

Он привычно оттопырил локоть, приглашая подхватить под руку, и споро зашагали в сторону полыхающего новогодней иллюминацией проспекта. Ать-два, в ногу. Бок о бок. Дружно. Как единое целое. Они и есть единое целое, они давно уже так идут... И живут... Да кто бы в этом сомневаться посмел хоть минуту?

Свернули с Воздвиженского в темные переулки, а там не то чтобы испугаться, там всю новогоднюю ночь ключом бьет! Вот компания вывалила из подъезда, с гармошкой, с плясками, вот подвыпивший мужичок с двумя пацанятами копошится в сугробе – наверное, фейерверк затеяли.

– Пашка, Колька, отойдите подальше, ну! Счас рванет!

И впрямь – рвануло! Несколько залпов враз улетели со свистом, разорвали темное небо в клочья, рассыпались куполами звезд – красиво... Короткая вспышка зарева выхватила из темноты испуганное женское лицо – бледное, несчастное, даже будто немного заплаканное. Ладонь – к щеке, в глазах – паника, и следом потерянный зовущий голосок:

– Берта! Берта, ты где? Ко мне, Берта... Что ж ты испугалась, глупая... – и совсем уж печально-трагически, словно взывая: – Бер-та-а-а...

Прибежала лохматая кроха, поскуливая, закружилась у ног хозяйки, просясь на руки. Женщина подхватила, прижала к себе, как ребенка, торопливо засемила в сторону подъездов, тихо приговаривая:

– Испугалась, испугалась, маленькая... Ах они, противные, со своими пошлыми развлечениями... Пойдем домой, у нас там телевизор, чай с лимоном...

– Пойдем, Лиза! Чего ты встала? Пойдем, холодно... – нетерпеливо переступил на месте Влад, потянув ее за локоть.

– Да, конечно. Слушай, а жалко ее...

– Кого?

– Да вот эту женщину! Ты видел, сколько одиночества у нее на лице? Все-таки Новый год в этом смысле – ужасный праздник... Как некий водораздел среди счастливых и несчастных. Кому-то лишь подкидывает дровишки счастья в костерок, а кому-то выпучивает одиночество до боли, до отчаяния... Что-то есть в этом жестоко несправедливое, правда?

Молчание. Идет, думает о чем-то своем. Не ответил даже. Разозлилась вдруг, дернула его за руку:

– Ты почему молчишь? Я же тебя спрашиваю!

– Да? Извини... Извини, я не расслышал... Так о чем ты спросила?

– Да ерунда, ни о чем... Неважно, в общем. Шарф повыше натяни, простынешь.

Дальше так и пошли – молча. Она вдруг поймала себя на мысли, что всю дорогу идет и сама по себе трещит без умолку, боится замолчать хоть на минуту. Паузы боится. Выползет эта молчаливая змея-пауза и обовьет их случившимся нечаянным отчуждением. Или... она уже выползла, несмотря на ее бодрую трескотню? Хорошо, хоть до дома всего ничего осталось... А дома – там спасение придет. В родном доме и стены помогают. Сейчас спать завалятся, крепко уснут... Говорят, с любой неприятностью переспать надо. А утром она вроде как меньше становится. Вот и они – переспят с народившимся отчуждением, а утром встанут как ни в чем не бывало две здоровые веселые головушки, муж с женой и

трижды родители, хоть и склеенные из осколков!

Открыли дверь, вошли тихо, на цыпочках, чтоб не разбудить маму с Сонечкой. В прихожей спросила шепотом:

– Чай будешь?

– Нет. Я спать пойду. Устал.

– Что ж, иди...

Включила свет на кухне – ах, как здесь хорошо. Чисто, уютно, прибрано. Штора новая на окне, кипень белых легкомысленных кружев. Давно купила, специально к Новому году берегла, чтоб знак обновления домашней жизни присутствовал. Чайник закипел тихо, деликатно, от чашки с чайным пакетиком терпко пахнуло мятой... Как хорошо горячего попить, с морозца-то! И вообще – жить хорошо. Несмотря на мелкие недоразумения. Да есть ли они на самом-то деле? Может, и не было никаких недоразумений, а так, показалось сослепу? Вот ведь – организовала себе близорукость ради красивого платья! Черт с ним, с платьем, лучше бы очки надела...

Допив чай, тихо прокралась в спальню, в который раз ругнувшись на отсветы уличного рекламного щита в окне. Нет, и правда, развели кругом иллюминацию! Может, с улицы и впрямь красиво, а в комнате полная фантасмагория от полыхающего синего-зеленого получается. О, а вот и оранжевый добавил для полноты ночной навязчивой колористики...

Бесшумно потянула штору, закрывая окно, нащупала под рукой кнопку настольной лампы на своей тумбочке. Ну вот,

жить можно. Сейчас переодеться, потом в душ – и спать, спать...

Сна не было. Закрывала глаза, усилием расслабляла тело, гнала из головы тревожные мысли – все равно не было. Влад тихо посапывал рядом, потом вдруг застонал, задышал тяжело, перевернулся на другой бок. Интересно, что ему снится? Лучше бы что-нибудь семейное, заботливое, на злобу дня... Например, как бы так извернуться, чтобы летом всем семейством на море поехать... В Турцию или в Египет. А что, вполне возможный вариант, если уже сейчас толково начать экономить... Хотя нет, не снится ему ничего такого, семейного, на злобу дня. От таких снов тяжело не стонут и нервно под одеялом не переворачиваются.

А на море и впрямь хочется! Такая картинка славная в голове рисуется – вот идут они по кромке воды, умиляются на крошечные отпечатки Сонечкиных ножек на песке... А сзади Максим с Ленкой плетутся. Или нет, не плетутся, они в море плавают. Далеко, лишь головы в волнах видны. И кричат им оттуда веселыми голосами – эгей, родители, мы здесь! А она им пальцем грозит – не заплывайте далеко, мы ж с отцом волнуемся... И неважно им в этот момент, кто есть кто по признаку кровного родства, потому что давно и бесповоротно стерты все признаки, а есть только единый и цельный организм, который семьей называется. Хоть и трудной, но семьей. Плывите, плывите к берегу, окаянные, мы ж с отцом и впрямь волнуемся...

Нет, что ни говори, а ощущение семьи – главная составляющая любого счастья. Многие идут к этому ощущению через годы, через ошибки, представляя собственное счастье совсем в других ипостасях, как им кажется, более высоких... Кто-то все силы кладет на алтарь пресловутой известности своего драгоценного имени, кто-то, наоборот, видит смысл в принципиально осознанном затворничестве и презрении к славе, кто-то все годы яростно несет в себе неразделенную любовь, наслаждаясь высоким страданием. А есть и такие, кто пытается создать из своей семьи красивую глянцевую оболочку, чтоб на зависть всем – посмотрите, как у нас все замечательно-благополучно! Ты сними, сними меня, фотограф! Чтоб никто и не подумал, чтоб никто и не поверил...

Она усмехнулась своим философским мыслям, перевернулась на другой бок. Хотя – отчего бы и не пофилософствовать, если сна нет? Так о чем бишь она... Да, о семейном счастье... Вернее, об ощущении семьи как составляющей любого человеческого счастья...

Так вот, господа мысленные мои оппоненты, что я хочу вам сказать... Чтобы прийти к этой счастливой составляющей, надо порой ой как наступить на горло собственной песне! И такие чудеса коммуникативного таланта из себя вытаскивать, перед которыми все остальные таланты на колени становятся. Если не верите, то попробуйте сами создать единый счастливый организм из ничего, из пустоты, по сути... Счастливая семья – это вам не написанная картина или кни-

га! Это все вместе – и картина, и книга, божьим благословением отмеченная. А божье благословение – это ж продукт глазами невидимый, людской оценке неподвластный, его поглазеть-полистать нельзя...

Стоп, стоп! Это что ж получается – опять она себя нахваливает, что ли? Не надо, не надо... Как давеча мама сказала? Только, мол, подумаешь, что все в твоей жизни наконец-то наладилось, так она тебе по башке сразу и треснет! Тем более сегодня явно что-то разладилось в их семейном королевстве... Ладно, спишем досадный разлад на плюс-минус, как лишний стрессовый килограмм у модельной девицы. Одна-другая неделя диеты – и нет никакого килограмма... Все пройдет, все вернется на круги своя... Надо спать, спать, а то Сонечка утром рано встанет и обязательно разбудит, и голова весь день будет болеть...

Кажется, только уплыла в крепкий сон, а уж слышится явное дочкино хныканье, скребутся в дверь спальни маленькие ладошки. И мамино сердитое, осторожным шепотком:

– Тихо, тихо, малышка... Пойдем, где твои игрушки, пусть мама с папой еще поспят...

Ой, да разве она понимает эти порывы бабкиной заботливости? Мала еще... Хочешь не хочешь, а надо продирать глаза, надо выходить да обозначать свое обязательное материнское присутствие. Ладно, она встанет. Зато хоть Влад по-человечески выпится. Может, и настроение у него другим будет...

– Ну вот, разбудила-таки, непоседа! – виновато-радостно проговорила мама, встречая ее в дверях кухни. – С Новым годом, дочка! Как погуляли, хорошо?

– Хорошо, мам... Спасибо, что с Сонечкой осталась. Опять мы тебя новогодней компании лишили...

– Ой, да какие мне компании, скажешь тоже! Для меня счастье – вам хоть в чем-то полезной оказаться. В мои годы очень важно чувствовать себя кому-то нужной.

– Да ты и без того мне всегда нужна, мам, чего ты вдруг?

– Да ладно, это я так... А за меня не волнуйся, я и сегодня хорошо поспражду! Сейчас соберусь, к подругам поеду. Меня уж Маша с утра звала... И к Асе надо вечером зайти...

– Мам! Мы ж хотели сегодня дома, в семейном кругу!

– Это ты про свою свекровку драгоценную, что ли? Так не старайся, не зови, на даче она. Вчера, как только вы уехали, звонила. Просила Влада к ней туда сегодня подъехать... Вот ведь какая, а? Так и сказала: «Пусть Владик ко мне приедет!» А про тебя – ни слова...

– Ой, мам! Ну, она просто так это сказала... Конечно, она имела в виду, чтоб мы все вместе...

– Ладно, сами разбирайтесь, кто там и что имел в виду. А только ты себя уж не роняла бы так откровенно под ноги.

– Я не роняю, мам. И все, не будем больше об этом.

– Ну, не будем так не будем. Да, еще Максимка ночью звонил, меня с Новым годом поздравил. И Лена твоя тоже зво-

нила. Только знаешь, мне ее голос совсем не понравился.

– А что такое? Какой у нее был голос?

– Не знаю... Грустный какой-то. Странно, правда? Вроде наоборот должно быть, все-таки к родной мамке поехала. Ой, намаешься ты с ней, доченька, как обратно заявится... Зря ты ее отпустила.

– А как было не отпустить, мам? Что я могла сделать?

– Да ничего, конечно. Сколько волка ни корми, а он все равно в лес смотрит. Так и Ленка твоя – сколько добра ей ни делай, а все равно ты для нее чужой теткой останешься. А мать – матерью. Ох, неблагоприятное это дело, доченька...

– Ладно, мам, как-нибудь разберемся. Не впервой. Пусть сначала домой живой-здоровой вернется.

– Ну да, ну да... И лишь бы Владик понимал, как тебе трудно. И ценил.

– Он ценит, мам.

– Ну что ж... Дай бог, если так... Ладно, пойду я, меня Маша ждет... Сонечку я с утра творогом накормила, а обед уж сама придумывай. Ну все, пока...

– Пока, мам. Спасибо.

– Да не за что... А Владик что, спит?

– Ну да...

– Ты не забудь, передай ему, что свекровь звонила!

– Хорошо, не забуду...

Закрыла за мамой дверь, подхватила Сонечку на руки, с удовольствием приложила губами к румяной, пахнувшей

сладкой свежестью щечке.

– Ну что, помощница моя, пойдем обед готовить?

– Да! – с готовностью дрыгнула плотным тельцем Сонечка.

– А что мы будем готовить? Может, борща наварим? А еще – пирог испечем! Папа проснется, а у нас пирог...

– С ягодками?

– Ну, давай с ягодками, если хочешь... Но папа вообще-то с рыбой пирог любит. Давай лучше с рыбой? Бабушка вчера вкусную рыбку в магазине купила... Красивая, розовенькая такая, «семга» называется. Сейчас мы ее из холодильника достанем... А папа проснется – обрадуется! Пирог-то – с семгой!

Сонечка задумалась на секунду, обдумывая сложившуюся альтернативу, потом важно кивнула белобрысой головенкой, соглашаясь. Уступила, значит, в пользу мужских предпочтений. Настоящая женщина растет, не эгоистка, слава богу.

– А зато папа, когда пирожка с рыбкой покушает, потом со мной погуляет! Ты ж ему расскажешь, что мы вместо ягодок в пирог рыбку положили? Да, мам?

Опа! Вот тебе и не эгоистка! Тут же от своей уступчивости дивиденды состригла! Ну что ж, тоже не самый большой женский грех...

– Нет, Сонечка. Мы гулять не пойдем. После обеда ты поспишь, а когда проснешься, мы все вместе поедем к бабушке Кате. Хочешь на дачу к бабушке? Там красиво, снежок на

деревьях лежит и воздух вкусный.

– Как это – воздух вкусный? Разве воздух едят?

– Ну, это просто так говорится... Если воздух свежий, значит, и вкусный... Ну что, будешь мне помогать тесто раскатывать?

– Буду, буду!

– Тогда пойдем с тобой фартуки наденем, как две хозяйшечки... Тебе фартук, и мне фартук...

Время за привычными хлопотами пролетело незаметно и славно. Ах, какое хорошее время – под аккомпанемент милого Сонечкиного, немного картавого мурлыканья да на фоне зимнего окна, спеленутого снегопадом, да если прибавить к этой идиллической картинке запах поднимающейся в духовке душистой румяной корочки...

– А папа скоро проснется? Мы уже все сделали, а он спит...

– Скоро, Сонечка, скоро. Ты иди пока, поиграй в своей комнате. Я тебя позову. Папу не буди, ладно?

– Ладно, не буду... Я тихо играть буду.

– М-м-м... Умница ты моя...

Встала у окна, скрестив по-бабьи руки под грудью. А снег все идет... Куда ж его столько валит, всю дорогу в дачные Коптяки заметет! Пораньше бы выехать...

Хотя, если честно, не любила она свекровкину дачу. Да и дачей в полном смысле слова нельзя было назвать то, что у других людей под этим понятием разумелось. Дача – это отдых на природе, это расслабление от суетной городской жизни.

ни, это гамак меж деревьями, самовар на террасе, дымок от шашлыка... Ну и другие всякие прелести райского отдыха, одобренные небольшими и необязательными трудами на грядках. В том смысле слова – необязательными, если к ним особенно душа не лежит. Поработал с утра в охотку – и расслабляйся себе в удовольствие, вкушай прелести дачной праздности. Можно по берегу реки прогуляться, можно по лесу, можно просто в траве полежать, на облака посмотреть...

Уважаемая свекровь Екатерина Дмитриевна о своем дачном участке, можно сказать, всю жизнь мечтала. Но мечты эти были как раз того свойства – по части обязательных трудов на грядках. Никаких гамаков, променадов по лесам и берегам в этих мечтах вовсе не было, а были заранее припасенные, вырезанные из журналов и аккуратно вшитые в папочку-скоросшиватель многочисленные рецепты домашних заготовок, и ждала эта папочка своего законного вдохновенного часа, и дождалась наконец... Три года уже эта папочка весенне-летнюю жизнь их семейства определяет, трубит общий сбор на полевые работы.

Место под дачу Екатерина Дмитриевна выбирала с большим пристрастием и по одному только принципу – чтоб земля на участке плодородной была. Остальные критерии ее мало интересовали, как бедный Влад ни старался обратить ее внимание на подъездные пути, на качество прилагаемого к участку строения... Кончилось тем, что под дачу был куплен

дом-развалюха в деревне Коптяки, за сто километров от города по плохой дороге. Зато земля там, как выражалась свекровь, — хоть на хлеб вместо масла намазывай...

С того времени и началась их летняя сельскохозяйственная жизнь, забирающая все законные выходные. Какой там променад, какие купания да гуляния! Так с утра на грядках умаешься, что к вечеру каждая мышца болит... Нет, конечно, можно было и отмахнуться, силой никто не заставлял. Да только как отмахнешься, когда рядом с тобой такая истовость? Даже странно, откуда в свекрови, городской, в общем, жительнице, столько взялось истовости к земельным трудам... Может, гены к старости проявились? Зрели, зрели всю жизнь и вырвались на свободу...

Особенное действо на даче разворачивалось в августе, когда приходила пора заготовок. Как Влад его называл — священнодействие с овощами. Каждый детеныш выращенного урожая был обласкан руками свекрови, каждому предназначалась своя заготовочная судьба. Заготовок было столько, что каждый раз Лиза легкомысленно, не думая о последствиях, поднимала в изумлении брови: «Екатерина Дмитриевна, пропадет же, мы не съедим...» Свекровь тоже поднимала бровь, но не в изумлении, а в обиде. И проговаривала насмешливо, сквозь эту обиду: «Посмотрю еще, что вы голодной зимой запоете...» Они с Владом лишь переглядывались понимающе. Он делал смешные умоляющие глаза, поднимал брови домиком — не лезь к ней, пусть себе развлекается...

А она и не лезла, в общем. Наоборот, старалась даже подыгрывать восхищением. Если очередная банка-заготовка откупоривалась в присутствии свекрови, пробовала продукт и закатывала глаза, демонстрируя страшное удовольствие. В конце концов, жалко, что ли? От нее не убудет. Наверное, каждый человек по-своему обозначает себя в бездеятельном пенсионном пространстве. Кто-то истово внуками занимается, кто-то так же истово – овощными заготовками... В конце концов, подоплека-то этих заготовок тоже почти благородная – чтоб семья сына «голодной» зимой не страдала...

Да и не так уж Лиза сильно перетруждалась на летних грядках. Влад ее в этом смысле берег, часто на дачу один ездил. И от крутого свекровкиного нрава тоже берег. Помнится, первые годы совместной жизни вообще свел их общение к нулю, и она долго не подозревала, что свекровь в принципе против новой невестки настроена. Это уж потом выяснилось, со временем, когда крутым нравом уже ничего и порушить было нельзя... Молодец он все-таки. Права мама – не мужик, а золото.

– Доброе утро... – послышалось за спиной хриплое, с долгим зевком. – Чем это у тебя пахнет?

– Ага! Проснулся наконец! – живо обернулась она от окна. – И как раз к пирогу! Иди умывайся, сейчас обедать будем!

– Мне мучного нельзя, ты же знаешь... У меня от мучного изжога.

Раз – и будто толкнуло в грудь ноткой обидного посылы. Хотя вроде ничего глобально обидного и не сказал... Ну да, и впрямь нельзя, и впрямь изжога... А все равно – толкнуло. Опять оно, его чертово величество, вчерашнее потаенное раздражение! Никуда не делось, долгим сном не отоспалось! Непривычное для слуха и сердца, чужое, быющее наотмашь. Вон, даже прибежавшая на их голоса из детской Сонечка тащится на отца исподлобья, как испуганный зайчонок.

– Чего ты на меня так смотришь? Я что-то обидное сказал, да? Ну, извини... Извини, Лизонька.

Подошел, виновато и торопливо клюнул поцелуем в щеку, тут же подхватил на руки Сонечку, встряхнул слегка.

– Доброе утро, доченька! Ну, обними папу! Вот так, вот так... Ах ты, моя умница...

– Вчера твоя мама звонила, Влад. Просила на дачу приехать.

– Да? Ну, что ж... Сейчас пообедаю да поеду.

– А мы? И мы с тобой...

– Нет... Нет, Лиза, не стоит. Ты же знаешь, там в доме печь плохая, к утру ужасно остывает, мы Сонечку простудим! Нет, я один поеду.

– Но...

– Я поеду один, Лиза. Я же сказал.

– Но почему?

– Потому.

Сказал как отрезал. Будто грубое «отстань» бросил. Под-

няла на него глаза, спросила тихо, обиженно, придавая вопросу особый провокационный смысл – не нарочно, конечно, просто на волне обиды так получилось:

– Тебе очень хочется побыть одному, да?

– Да при чем здесь?!

И опять – потаенное раздражение в голосе. Господи, да что происходит, в самом деле? Сколько же можно... терпеть? Так же раздраженно ему ответить, что ли? Хотя нет, не при Сонечке...

– Ну, хорошо... Поезжай один, если хочешь. А когда тебя обратно ждать?

– Не знаю. Денька через три, наверное.

– Через три?!

– Ну да... А что такого? Каникулы, длинные выходные... Тем более там работы много. Я давно матери обещал... Надо новые полки в погребе сделать...

– Ладно. Как скажешь. Три так три. Иди, умывайся, обедать будем.

– Пап, а гулять? – тихо, со слезой в голосе прохныкала Сонечка. – Я хочу с горки на санках...

– Так мама тебя прокатит с горки на санках! Правда, мама?

– Конечно, Сонечка... Пообедаем, поспим и пойдем кататься!

И – улыбнулась бодренько, как те, с глянцевой картинки семейного благополучия. Которые – «ты сними, сними меня,

фотограф...».

Влад съел свой обед молча и быстро, потом так же молча и по-деловому собрался, махнул от двери ладонью – пока. И ушел. Нет, не ушел, а сбежал. Дверь лязгнула английским замком, будто выставила ее бодренькую улыбку на посмешище. Чего, мол, стоишь, дурища, скалишься радостно, хватит из себя благополучную счастливую женушку строить. Лучше вздохни, да задумайся, да очередной сакраментальный вопрос сама себе задай – что ж это такое, мол, происходит...

А лучше – не задавай никаких вопросов. Просто – живи. Дочку спать уложи, посуду помой, полезными делами займись. Или на диване полежи, книжечку про любовь почитай. Может, чего-нибудь новенькое про эту самую любовь узнаешь. Впереди – долгие каникулы...

И потянулись они чередой – долгие каникулярные дни, одинаково праздные. Завтрак, обед, ужин, Сонечкина горка с санками, нытье беспокойства по поводу поздних возвращений Максима – то он с друзьями в «клубаке завис», то девушку Машу до дома провожает...

Ох, уж эта девушка Маша, одно от нее беспокойство! Нет, сама по себе она замечательная, конечно... Классическая «хорошая девушка», мечта любой потенциальной свекрови. Воспитанная, опрятная, улыбчивая. В глаза смотрит, будто в душу вместе со своей воспитанностью и порядочностью влезть норовит. Очень старается понравиться, порой назойливо, до занудства. И чего старается? Замуж, что ли,

хочет? Так пусть пока не мечтает – рано еще... Не созрел Максимка для серьезных шагов, одни «клубаки» на уме...

Ночью разбудил короткий дверной звонок – соскочила, бросилась в прихожую, кто там? Оказалось – Лена вернулась. И чуть не сказанула ей в лоб спросонья – чего, мол, так рано? Собиралась же все каникулы у матери прогостить... Хорошо, вовремя опомнилась. Обняла, расцеловала в холодные щеки, проговорила с искренним укором:

– Ты почему не позвонила, я бы встретила! Ночь на дворе, страшно же одной!

– Да ну, я на такси... Чего меня встречать, невелика персона!

Так. Понятно. Голосок сердитый, сама взвинченная. Что ж, пойдем ночные чаи пить, обиды на мать выслушивать...

– Вы представляете, тетя Лиз, она в общей сложности и трех часов со мной не провела... И зачем я поехала, дура такая? Гости в Новый год пришли, она перед ними расстилается и так и сяк, а меня будто нет... Еще и очередную подтяжку себе сделала! Чего она все время рожу свою тянет? Там уж и тянуть больше некуда!

– Не надо так о маме говорить, Лена. Не злись. Ты уже большая девочка, сама, можно сказать, невеста. А у нее своя жизнь...

– Ну да. Вернее будет сказать – свое понятие о жизни. И я в это понятие не вписываюсь. Не нужна я ей. Мешаю. Возраст своим присутствием выдаю. Она ведь меня даже гостям

не представила, тетя Лиз... Гостей полный дом, а я хожу среди них как неприкаянная... Всем я мешаю, никому не нужна! Вообще никому...

Подтянула косолапо ступни, скукожилась на кухонном диванчике, обнимая себя за колени, опасно задрожала губами. Сглотнула в себя первую слезу, шмыгнула носом, глянула на Лизу коротко. Чего молчишь, мол? Не слышала разве, что я сказала? Никому не нужна, мол... А ты молчишь почему-то...

Милая, дорогая моя падчерица, кокетка ты моя, провокаторша! Конечно, знаешь, что я тебе сейчас говорить буду! Конечно, мол, нужна, еще как нужна, просто до слез необходима! И получишь-таки поток любви по полной программе, и поплачешь на моем плече сладко. В чем нуждаешься, то и получишь. Мне не жалко. У меня этого добра пока хватает...

– Ну, ну, что ты, маленькая, не говори глупостей... Ты очень нужна, тебя здесь все любят... Мы же одна семья, что ты! И в горе, и в радости! Да ты и сама все понимаешь, что я тебе говорю! Ну, иди ко мне...

Ткнулась в плечо с готовностью, расплакалась надрывно, извергая из себя накопленную за новогоднюю поездку обиду. И вот так все время – каждый раз одни и те же грабли... Ну в самом деле, трудно, что ли, той «подтянутой» лицом матерешке дочку раз в полгода приласкать? Чудны дела твои, господи...

– Вы... Вы не думайте, тетя Лиза, я все понимаю... Вы просто ради отца...

– Что? Что ты такое говоришь, Леночка?

– А то... Вы сейчас меня жалеете, а сами... Ради отца стараетесь... Хотите хорошей для него быть...

– Лена... Я понимаю, конечно, как тебе сейчас плохо, как больно... Я даже не обижаюсь... Но поверь мне, пожалуйста...

– Да ладно вам, тетя Лиза! Я давно уже никому не верю! И вы не старайтесь особо, он и так от вас никуда не денется. И без меня... И не говорите мне больше ничего, пожалуйста! И про вашу любовь, и про вашу семью! Все равно я знаю, что никому не нужна! И не говорите мне ничего!

Всхлипнула, расплакалась еще горше. Да, совсем плохи дела с девчонкой. Лучше и впрямь пока с душевными разговорами не приставать. Потом уж, на свежую голову...

– Ладно, не буду ничего говорить, Леночка. Завтра поговорим. Ты просто устала с дороги, я понимаю. Пойдем, я тебя в ванную провожу... Умоешься, под горячим душем постоишь... А я пока тебе постель постелю... Чаю еще хочешь?

– Не-ет...

– Ну и ладно, ну и не надо. Пойдем, солнышко... На, тапочки мои надень... А утром поспишь подольше, все и образуется...

Полночи потом таращилась в потолок, вздыхала тяжело, изо всех сил тащила мудрость на чашу весов, чтоб не заболеть, не дай бог, обидою. Надо же понимать – это всего лишь эгоизм юности, ни больше ни меньше. Мое, мол, горе горше всех, и все в этом виноваты. Умеет юность-эгоистка больно

сделать, походя, что ж поделаешь. Ударила и дальше пошла. Но не отвечать же ударом на удар, в самом деле...

А утром проспала. Очнулась от прикосновения Сонечкиной ладошки к щеке, открыла глаза, уставилась удивленно на перепачканную шоколадом дочкину мордашку. Ничего себе, мамаша...

– Сонечка, ты где конфету взяла? Тебе же нельзя!

– Можно, можно! Я на стульчик забралась, а там конфетки...

– А почему ты в пижамке и неумытая? Где Лена, где Максим?

– Нету, нету никого... – повертела Сонечка перед лицом растопыренными шоколадными ладошками. – Макся гулять пошел, а Лена говорит: «Я с тобой пойду...» Я не спала, я слышала... Дверь хлопнула, а потом я на стульчик забралась, а там конфетки...

– Да. Про конфетки я уже поняла, – качнула головой виновато. – Значит, к вечеру диатезных пятнышек нам не миновать. Надо же, как это я так проспала... И вазу с конфетами забыла со стола убрать после ночного чаепития... Что ж делать, сама виновата. Ладно, пойдем умываться...

К обеду приехала мама. Села на кухне, раскрасневшаяся от мороза, возбужденно потеряла руки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.